

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ МЕЖДУ США, КИТАЕМ И РОССИЕЙ

В ПОИСКАХ УСКОЛЬЗАЮЩЕГО РАВНОВЕСИЯ

ЕКАТЕРИНА КОЛДУНОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Юго-Восточная Азия представляет собой уникальный пример региона, накопившего богатый опыт взаимодействия с более сильными державами. Он позволил сформировать широкий диапазон внешнеполитических инструментов и типов поведения, включающих в себя балансирование и примыкание, но несводимых только к ним. Вместе с тем существенное усложнение глобальных процессов, многоаспектное проявление конфронтационных тенденций как между Россией и Западом, так и между США и Китаем, в том числе на региональном уровне, требуют переосмысления практики балансирования, свойственной Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и её отдельным членам, а также более пристального внимания к новым типам внешнеполитической стратегии и тактики этих стран. В исследовательской литературе эти новые типы стали обозначаться совокупным термином «хеджирование», подразумевающим набор действий, призванных застраховать менее крупных участников международного взаимодействия от негативного развития ситуации. При этом подобная страховка была необходима странам ЮВА в ситуации стратегической неопределённости, связанной с быстрым подъёмом КНР, и помещала весь регион в бинарную систему координат отношений Пекина и Вашингтона. Вместе с тем кризис европейской архитектуры безопасности по-новому актуализировал для Юго-Восточной Азии более сложную треугольную систему координат США–Китай–Россия. Новая версия треугольника существенно отличается от конструкции периода «холодной войны» и даже первого десятилетия постбиполярности и в силу этих обстоятельств усложняет реализацию хеджирования субъектами Юго-Восточной Азии. Возникает риск гораздо большей рассогласованности действий стран АСЕАН на национальном и региональном уровнях по сравнению с тем, что наблюдалось в течение последних трёх десятилетий. Данный тезис доказывается путём анализа феномена хеджирования применительно к региональным игрокам, рассмотрения последствий кризиса европейской архитектуры безопасности для ЮВА и сравнения региональной и национальной реакций на рост конфронтационной составляющей в треугольнике США–Китай–Россия.

Ключевые слова:

Юго-Восточная Азия; АСЕАН; США; Китай; Россия; хеджирование; балансирование; примыкание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00142 «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)».

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.12.2023

Дата принятия к публикации: 01.04.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Юго-Восточная Азия (ЮВА), представляющая собой объединение малых и средних стран, характеризуется богатым опытом взаимодействия с крупными державами. Этот опыт был аккумулирован в самых разнообразных контекстах — колониальной зависимости, деколонизации, идеологической конфронтации периода «холодной войны» и экономического подъёма Азии на рубеже XX и XXI веков. В результате возник большой диапазон внешнеполитических инструментов и типов поведения, включающих балансирование и примыкание, но несводимых только к ним.

Исторически оба отмеченных типа присутствовали в практике международно-политического взаимодействия региона и зачастую приносили свои плоды [Фомичёва 1991; Афанасьева Е.Н. и др. 1994: 81–96; Мосяков Д.В. 2010: 128; Байков А.А. 2012]. Вместе с тем существенное усложнение характера мирополитических взаимодействий [Утгу 2005; Воскресенский А.Д. и др. 2017], рост многомерной конкуренции и конфликтности в конце первой четверти XXI века требуют переосмысления как практики балансирования, генетически свойственной политике стран ЮВА и их объединению — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), так и более пристального внимания к новым типам внешнеполитической стратегии и тактики региональных игроков.

Большой пласт отечественных и зарубежных исследований фиксирует относительно новую разновидность внешнеполитического поведения малых и средних стран, для обозначения которого используется термин «хеджирование»¹, пришедший из международных отношения из финансово-экономической сферы. Литература, посвящённая этому явлению, как отличному от баланси-

рования и примыкания, в основном акцентирует внимание на реакции стран Юго-Восточной Азии на экономическое и политико-стратегическое возвышение Китая [Goh 2005; Королёв 2018; Hiebert 2020; Jones, Jenne 2022; Gerstl 2022; Rangsimaporn 2022]. Региональные субъекты стремятся извлечь свои выгоды, но при этом сохранить хорошие отношения с США.

В некоторых работах акцент сделан на тактических ходах стран региона, помещённых в ту же бинарную систему координат КНР–США² [Hiebert 2020; Strangio 2020]. Между тем, как будет продемонстрировано далее, кризис европейской архитектуры безопасности и переход конфликта на Украине в феврале 2022 г. в горячую фазу по-новому актуализировали для ЮВА более многомерную, как минимум треугольную по своему характеру, систему координат США–Китай–Россия, а фактически гораздо более сложную конструкцию, к которой относятся Вашингтон, Москва, Пекин и другие крупные игроки Тихоокеанской Азии [Multiple Hegemonies 2021].

В качестве аналитической призмы этот треугольник активно использовался для рассмотрения периода поздней «холодной войны» применительно в основном к глобальному уровню и отчасти — Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР) [Russia-China-USA 1996; Богатуров 1997; Галенович 2006; Poontham 2022]. Ряд работ рассматривают это трёхстороннее взаимодействие преимущественно с точки зрения динамики российско-китайских и китайско-американских отношений [Blank et al. 2005; Морозов, Батюк 2022]. Тем не менее ситуация, сложившаяся к началу 2020-х годов, позволяет говорить о влиянии этого треугольника на другие страны мира, включая Юго-Восточную Азию³. Проблемы, все

¹ Способ нивелирования возможных потерь или рисков. Hedging // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hedging> (accessed: 28.11.2022).

² Pau S., Him R. Why US-China competition will shape ASEAN's vision for the next 20 years // The South China Morning Post. 14.01.2024. URL: https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3248265/why-us-china-competition-will-shape-aseans-vision-next-20-years?campaign=3248265&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed: 04.02.2024).

³ Round-table discussion "Strategic Situation in the Pacific and Indian Ocean: views from Russia and Thailand". Bangkok: International Studies Centre, Ministry of Foreign Affairs, 2022.

более выявляющиеся в ходе динамического изменения отношений трёх держав, проецируются на различные региональные сегменты мира.

В статье предпринимается попытка доказать тезис, что многие положения, касающиеся стратегии и тактики хеджирования, были разработаны и сформулированы в условиях относительно контролируемой конфронтации США и Китая без учёта России. Новая реинкарнация треугольника, существенно отличающаяся от понимания этой конструкции и характера отношений в нём в том виде, в котором он был задуман бывшим государственным секретарем Соединённых Штатов Генри Киссинджером (1973–1977)⁴, усложняет практику хеджирования.

В случае ЮВА де-факто усиливается рассогласованность действий стран АСЕАН на национальном и региональном уровнях в дополнение к таким факторам, как расхождения стран Ассоциации по поводу политического конфликта в Мьянме или минилатерального формата *AUKUS*. Более того, представители научных и экспертных кругов стран региона всё более активно отмечают, что конфликт на Украине создал дополнительный уровень сложности в нарастающей конфликтности Вашингтона и Пекина⁵ [Kausikan 2023; Busbarat 2023], а также указывают на трансформирующийся характер треугольника⁶.

Для доказательства представленного выше тезиса в первой части статьи в контексте исследовательских дискуссий анализируется диапазон возможностей внешнеполитического поведения, традиционно приписываемого малым и средним странам (балансирование и примыкание), а также

хеджирование, представляющее собой сравнительно новый феномен. Во второй части выявляются последствия кризиса европейской архитектуры безопасности для Юго-Восточной Азии с точки зрения определения новых структурных элементов в региональной ситуации, сформировавшихся под влиянием глобальных процессов и трансформации отношений в треугольнике США–Китай–Россия. В третьей части рассматривается региональный уровень реакции на рост конфронтационной составляющей этих отношений и их национальное восприятие через призму официальных документов, политического и экспертного дискурса.

Балансирование, примыкание, альтернативы

Период «холодной войны», формирование биполярности и комплексное противостояние двух сверхдержав создали международно-политические условия, в результате которых малые и средние державы делали выбор в пользу примыкания или балансирования. Первое предполагало, что за счёт вступления в союзные отношения с одной из сверхдержав менее крупные игроки могли максимально нарастить свои возможности в условиях ограниченности собственных ресурсов. Второе, в свою очередь, позволяло в период господства двух держав находить ситуативную или долгосрочную альтернативу одному из полюсов во взаимодействии с другим [Walt 1985; Истомин 2018].

На рубеже веков жёсткий каркас биполярности перестал существовать в прежнем виде: в 1990-х годах мир пережил короткий период однополярности [Krauthammer

⁴ Генри Киссинджер предложил упомянутый треугольник в условиях «холодной войны». В соответствии с логикой этого треугольника нормализация отношений США и КНР в 1970-х годах должна была способствовать тому, чтобы США смогли получить стратегические дивиденды и в отношениях с СССР, и в отношениях с КНР, при том что взаимодействие между последними оказывалось на более низком уровне, чем их отношения с Соединёнными Штатами [Киссинджер 2014: 301–303; Грэм 2020: 63–65].

⁵ *Kuik C.-C.* ASEAN and Ukraine: Non-Alignment via Multi-Alignment? // Taihe Institute. 03.07.2022. URL: <http://www.taiheglobal.org/Content/2022/07-03/1726334336.html> (accessed: 04.02.2024).

⁶ *Vu Le Thai Hoan, Huy Nguyen.* The Modern China-Russia-US Triangle // The Diplomat. 04.06.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/06/the-modern-china-russia-us-triangle/> (accessed: 04.02.2024).

1990] и перешёл в начале XXI столетия в фазу подъёма различных региональных держав, не оспаривавших напрямую доминирующую роль США в международных отношениях, но стремившихся продвигать свои региональные или даже мироустроительные проекты [Логика новой мироустроительной архитектоники 2021]. В этих условиях стратегия балансирования приобрела более многообразные формы. Помимо внутреннего (наращивание собственных ресурсов в оборонной сфере) и внешнего (присоединение к формальным и неформальным альянсам и коалициям) балансирования, активно стала развиваться его институциональная составляющая [Истомин 2018: 211], особо проявившаяся в деятельности АСЕАН. В случае с последней она подразумевала возможность ограничить нежелательные для Ассоциации варианты развития событий путём включения более крупных игроков в институциональные рамки, формальные параметры которой регулировались самим интеграционным объединением.

В начале этого века ревизии подверглось и такое стержневое понятие неореализма, как «соотношение сил» [Martin 2003; The Balance of Power in World History 2007]. В быстроменяющейся ситуации начала XXI века его оказалось невозможным зафиксировать на сколько-нибудь продолжительное время. В итоге различные страны мира вынуждены были приспосабливаться к ситуативным состояниям постоянно трансформирующегося соотношения потенциалов и возможностей – военных, торгово-экономических, технологических, информационных. Эти состояния также были подвержены флуктуациям под влиянием становления *ad hoc* объединений, неформальных и слабо формализованных коалиций заинтересованных игроков по типу *Quad*, *Quad+*, *AUKUS*, чиповых и прочих альянсов, организуемых США для ограничения технологических возможностей Китая.

Ещё в 1990-х годах отечественный исследователь А. Д. Богатуров охарактеризовал ситуацию в Тихоокеанской Азии как

«динамическую стабильность» [Богатуров 1997: 50–52]. К концу этого десятилетия подобное состояние воспроизвелось в новых условиях, демонстрируя большую степень динамики и меньшую степень стабильности, формируя новую динамическую стабильность. Созвучным этому термину стало стержневое концептуальное положение внешней политики Индонезии о «динамическом равновесии», сформулированное бывшим министром иностранных дел этой страны Марти Наталегавой в начале 2010-х годов. В его понимании «динамическое равновесие» противопоставлялось классической трактовке соотношения сил, формулируемому исключительно в конфронтационном ключе [Anwar 2013; Наталегав 2022]. Оно предполагало постоянные усилия таких менее крупных, но международно значимых игроков, как Индонезия, по поддержанию баланса между разнонаправленными интересами ведущих держав.

Описанные выше условия сделали особенно привлекательной для малых и средних стран региона опцию хеджирования внешнеполитических рисков. Зарубежные исследователи Джон Чорчари и Юрген Хааке отмечали, что причиной активного распространения этой стратегии стало отсутствие в постбиполярном мире чётких правил игры [Ciorciari, Naascke 2019]. Как следствие, принятие однозначных решений оказалось невозможным, возросла потребность просчитывать риски в ситуации стратегической неопределённости.

Профессор Австралийского национального университета Эвелин Го определяет хеджирование как «набор стратегических действий, нацеленных на избежание ситуации, при которой государства не смогут воспользоваться такими однозначными альтернативами, как балансирование, примыкание или сохранение нейтральной позиции» [Goh 2005: 2]. К подобным действиям государства Юго-Восточной Азии подталкивает осознание того факта, что в полицентричном мире будут существовать сразу несколько конкурирующих друг с другом центров силы. В этой связи наи-

более рациональной линией поведения представляется не исключать ни одну из держав из взаимодействия, при этом не принимая в полной мере ничью сторону. Более того, как отмечает исследователь, эта модель взаимодействия с крупными игроками остаётся характерной чертой и, добавим, сравнительным преимуществом политики в первую очередь небольших стран [Goh 2008].

В то же время, как свидетельствует анализ внешней политики стран Юго-Восточной Азии за последние тридцать лет, хеджирование представляет собой не набор ситуативных реакций, а вполне осознанный выбор и даже стратегию. Элементы этого понятия прослеживаются и в характеристике пространственной структуры отношений в Тихоокеанской Азии, сформулированной А.Д. Богатуровым. Под такой структурой, в отличие от лидерской, в большей степени характерной для Европы, он понимал «способность малых и средних стран выступать в роли, условно говоря, “коллективного лидера” и более или менее эффективно влиять на состояние региональной ситуации как непосредственно, так и через воздействие на отношения между самими лидерами» [Богатуров 1997: 11].

Наиболее явные причины всё большего распространения хеджирования заключаются в усиливающейся полицентричности на глобальном и региональном уровнях. Она создаёт ситуацию недоверия, при которой дивиденды от вступления в безусловные союзнические отношения становятся менее очевидными [Jackson 2014]. Нарастание стратегического недоверия в регионе начало фиксироваться ещё в 2010-е годы. В 2013 г., выступая в рамках «Диалога Шангри-Ла», тогдашний премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг (2006–2016) достаточно остро поставил

вопрос о необходимости формирования стратегического доверия в регионе, но по прошествии десятилетия ситуация лишь усугубилась⁷.

Фиксируя появление нового типа внешнеполитических действий, некоторые специалисты предприняли попытки его дальнейшей концептуализации. Например, согласно малайзийскому исследователю Чан Чи Квику и его американскому коллеге Гилберту Розману, действия, которые могут квалифицироваться как хеджирование, должны удовлетворять трём критериям: 1) страна не принимает чью-либо сторону, 2) при этом она предпринимает ряд мер, противодействующих нежелательному развитию событий, и 3) использует эти меры для сохранения собственного выигрыша и разработки альтернативного плана действий. Если внешнеполитическое действие не будет удовлетворять хотя бы одному из трёх критериев, неизбежно сползание в балансирование или примыкание. Нейтрализм и неприсоединение также предполагают нейтральность позиции, но не являются хеджированием [Kuik, Rozman 2015: 2].

Таким образом, в первой четверти XXI века в результате существенных изменений глобального и регионального уровней во внешней политике малых и средних стран Юго-Восточной Азии проявилось большое многообразие внешнеполитических действий, несводимых к балансированию и примыканию. Они объединяются исследователями в категорию «хеджирования». Между тем эта категория всё ещё требует более глубокого концептуального осмысления. Во внешней политике стран региона можно встретить сочетания хеджирования с элементами других стратегий (институционального или внутреннего балансирования). К тому же появляются и такие феномены, иронично обозначаемые

⁷ Prime Minister Nguyen Tan Dung delivered a keynote address entitled “Building Strategic Trust for Peace, Cooperation and Prosperity in the Asia-Pacific Region” at the opening ceremony of the 12th Shangri-La Dialogue in Singapore on May 31 // National Defense Journal. 2013. November 22. URL: <http://tapchiquptd.vn/en/news/pms-keynote-address-at-12th-shangri-la-dialogue/4620.html> (accessed: 28.11.2022).

некоторыми внешнеполитическими практиками, как «уклонение»⁸ [Kausikan 2017], говорящие скорее о тактике избегания лобовых столкновений или острых ситуаций, нежели о поиске реального выхода из них.

Последствия кризиса архитектуры европейской безопасности для Юго-Восточной Азии

Кризис архитектуры безопасности в Европе поставил страны ЮВА перед новыми дилеммами и вызовами, несмотря на географическую удалённость двух регионов друг от друга. Он выявил очевидную ограниченность модели мироустройства, предлагаемой ЕС и США с начала 1990-х годов. Хотя она продвигалась с помощью универсализированных инструментов, не было предложено реального решения насущных проблем большинства незападных стран или подхода, принципиально не ущемляющего их интересы. В силу этих причин меры санкционного давления Вашингтона и Брюсселя на Москву не нашли единой поддержки в большей части Азии, Африки и Латинской Америки⁹.

Универсальные решений в глобальном плане для незападного мира не предлагала и Россия. Вместе с тем она, в отличие от США, не навязывала таких подходов, которые кардинальным образом деформировали бы незападные общества изнутри или необратимо усиливали имеющиеся там внутренние расколы¹⁰. В свою очередь, Китай предложил специфические варианты решений, которые могут оспариваться с политэкономической точки зрения. Речь идёт среди прочего о путях практической

реализации выдвинутой в 2013 г. Пекином инициативы «Пояса и пути» и дискуссии о рисках долговой ловушки для бедных стран [Alves 2021]¹¹. Тем не менее страна не ведёт агрессивного продвижения своих политических ценностей или модели политического устройства.

Ещё одним значимым последствием кризиса европейской архитектуры безопасности стал запуск глубинной трансформации отношений в уже упомянутом треугольнике США–Китай–Россия. До февраля 2022 г. основное внимание исследователи уделяли относительно медленному сползанию КНР и Соединённых Штатов в конфронтационные отношения и обсуждению потенциально возможного — но пока наблюдаемого далеко не во всех политических, экономических и технологических областях — разъединения (*decoupling*) двух ключевых экономик мира. При этом роль России в этом процессе оставалась второстепенной. Например, в Индо-Тихоокеанской стратегии США от февраля 2023 г. Москва не упоминалась¹². По мнению американской стороны, она не имеет никакого отношения к этому региону, поэтому в рамках ИТР Вашингтон целенаправленно не считал нужным принимать её во внимание. После февраля 2022 г. в результате введения в отношении Российской Федерации беспрецедентного количества санкционных ограничений началось радикальное разъединение в парах США–Россия и ЕС–Россия. При всём отличии российско-американских отношений от американо-китайских, эти процессы продемонстрировали набор возможных инструментов, которые потенциально могли бы быть

⁸ Англоязычный термин *dodging* созвучен слову *hedging*.

⁹ Pindell J. No, it's not the world against Russia. In fact, it's far from it. Why a lot of nations aren't on board with economic sanctions // The Boston Globe. March 16, 2022. URL: <https://www.bostonglobe.com/2022/03/16/nation/no-its-not-world-against-russia-fact-its-far-it-why-lot-nations-arent-board-with-economic-sanctions/> (accessed: 30.03.2024).

¹⁰ Как это ранее произошло, например, в случаях вмешательства США на Ближнем Востоке.

¹¹ Cheong D. Chinese "Debt Traps" in Southeast Asia: What the Data Say // ISEAS Perspective 2022/88. 08.09.2022. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2022-88-chinese-debt-traps-in-southeast-asia-what-the-data-say-by-darren-cheong/> (accessed: 28.11.2022).

¹² Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 04.02.2024).

задействованы в случае будущего разъединения Вашингтона и Пекина, если оно будет осуществлено в полном масштабе.

Вместе с тем в американском политическом и экспертном дискурсе в отношении Китая по-прежнему превалировала риторика, акцентирующая внимание на конкуренции и даже «конкурентной взаимозависимости» [Hass 2021], а не на растущей конфликтности. В Стратегии национальной безопасности США, обнародованной в октябре 2022 года, было обозначено, что Россия представляет «прямую и непосредственную угрозу свободному миру», в то время как Китай является их единственным конкурентом, обладающим намерением и, что самое значимое, экономическими, военными и технологическими возможностями изменить международный порядок¹³. Эта же формула была использована президентом Соединённых Штатов Джоозефом Байденом (2021 – наст. время) в характеристике американо-китайских отношений накануне его встречи с председателем КНР Си Цзиньпином на полях саммита «группы двадцати» на индонезийском острове Бали в ноябре 2022 года. Американский лидер отметил, что США продолжат «ожесточённо конкурировать» с Китаем, но так, чтобы конкуренция не переросла в конфликт¹⁴.

Между тем в отношениях двух стран действительно пока что сохраняется страховочный механизм в виде экономической взаимозависимости. В ходе разъединения Вашингтона и Москвы особо ярко выявился ряд проблем, имеющих непосредственное отношение и к КНР. Предметом явной дивергенции США и их союзников, с одной стороны, и России и Китая – с другой, ста-

ли представления о нормативных основаниях миропорядка. Для последних оказалось неприемлемым настойчивое продвижение формулы «порядка, основанного на правилах», предлагаемой западными странами в качестве синонима либерального миропорядка и девальвирующего значение международного права как нормативной рамки, обеспечивающей равноположенное взаимодействие стран независимо от характера их внутривнутриполитического устройства.

Ключевым антироссийским инструментом, имеющим перспективы быть использованным в отношении КНР и любых стран, рассчитывающих на ускоренное развитие за счёт экономики-технологической связи с Соединёнными Штатами, стали торгово-экономические, финансовые и технологические санкции. В ходе их применения произошло существенное усиление блоковой дисциплины ЕС, Японии, Республики Корея и Сингапура, присоединившихся к санкциям в отношении России. На многие другие государства, включая страны АСЕАН, США начали оказывать давление, апеллируя к вторичным санкциям¹⁵.

В то же время экономическое бремя соблюдения введённых санкций в гораздо большей степени легло на Европу¹⁶, чем на сами США. Активное использование нерыночных механизмов в процессе реализации санкционных мер спровоцировало рост инфляции, дефицит энергоносителей, удобрений, продовольственный кризис и в конечном счёте высокую степень экономической турбулентности для всего мира¹⁷ [Политика санкций 2023]. В силу этих экономических обстоятельств и укоренившейся в странах АСЕАН практики балансирования

¹³ US National Security Strategy 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 28.11.2022).

¹⁴ Bose N., Nangoy F. U.S. Seeks no Conflict with China, says Biden as G20 leaders gather // Reuters. 12.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/biden-says-wont-veer-into-conflict-with-china-first-summit-ends-asia-2022-11-13/> (accessed: 28.11.2022).

¹⁵ Saha P. The ongoing Russia-Ukraine conflict: Impact on Southeast Asia // Observer Research Foundation. March 11, 2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-ongoing-russia-ukraine-conflict-impact-on-southeast-asia> (accessed: 30.03.2024).

¹⁶ Подобная же перспектива оказалась весьма вероятно и для Японии.

¹⁷ МИД оценил последствия антироссийских санкций для ЕС // Lenta.ru. 03.11.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/03/mid-otsenil-posledstvie-antirossiyskih-sanktsiy-dlya-es/> (дата обращения: 31.03.2023).

между крупными игроками малые и средние державы в регионе не смогли себе позволить однозначного осуждения России или принципиального дистанцирования от Китая. Тем не менее они сохранили союзнические отношения с Соединёнными Штатами, хотя и вступили в полосу экономических трудностей (например, Таиланд и Филиппины), спровоцированных ранее последствиями пандемии *COVID-19*. Такое негативное развитие событий оценивалось многими в ЮВА как «системный риск»¹⁸. При этом в результате масштабного санкционного давления в отношении Москвы проблема доверия, проявлявшаяся до 2022 г. наиболее ярко в политико-стратегической плоскости, распространилась на новые измерения — политэкономическое, торговое и технологическое. Тем самым возникали дополнительные риски и экономически неоправданные стратегии, в частности идущие вразрез с экономической логикой сравнительных преимуществ попытки концентрации торговли, цепочек добавленной стоимости, производства высокотехнологических компонентов и других экономических транзакций в геополитических кластерах дружественных и союзнических стран¹⁹.

Кризис архитектуры европейской системы безопасности продемонстрировал также, что даже спустя несколько десятилетий после завершения «холодной войны» механизмы взаимной аккомодации не были выработаны ни на европейском уровне [Shevtsova 2010], ни на уровне отношений России и США [Шаклеина 2022]. При этом на уровне региональной системы институтов, центральным элементом для которой

остаётся АСЕАН, такой опыт был выработан [Байков 2023]. Открытым остаётся вопрос о способности этого интеграционного объединения продолжать имплементировать этот опыт на практике в условиях многомерной конфликтности, которая с 2022 г. начала в полной мере проецироваться на АСЕАН-центричные институты.

Институциональный и национальный уровни реакции стран Юго-Восточной Азии

Стратегическая неопределённость стала основной причиной выработки инструментария хеджирования странами Юго-Восточной Азии. Хотя рост Китая представлял для них очевидные возможности²⁰, он же грозил тем, что интересы стран региона в сфере безопасности всё в меньшей степени будут приниматься во внимание КНР, в особенности при обострении территориальных споров Пекина и отдельных стран ЮВА в Южно-Китайском море (ЮКМ). При этом вовлечённость США, позиционировавших себя гарантом безопасности своих союзников в период «холодной войны», в вопросы региональной безопасности в первой четверти XXI века приобрела амбивалентный характер. В частности, Вашингтон был готов наращивать разведывательную деятельность в ЮКМ²¹, но отнюдь не стремился напрямую и полномасштабно вмешиваться в конфликт КНР и стран региона на стороне последних в случаях его реального обострения. Этот тезис продемонстрировал китайско-филиппинский спор по поводу рифа Скарборо в 2012–2013 годах²².

¹⁸ Kuik C.-C. ASEAN and Ukraine: Non-Alignment via Multi-Alignment? // Taihe Institute. 03.07.2022. URL: <http://www.taiheglobal.org/Content/2022/07-03/1726334336.html> (accessed: 04.02.2024).

¹⁹ Hardwick, S., Triggs, A. Friend-shoring no ready-made answer to Asian supply chain resilience // East Asia Forum. 27.11.2022. URL: https://www.eastasiaforum.org/2022/11/27/friend-shoring-no-ready-made-answer-to-asian-supply-chain-resilience/?utm_medium=email&utm_campaign=newsletter 2022-11-27 (accessed: 28.11.2022).

²⁰ В 2020 г. АСЕАН совокупно вышла на позиции первого торгового партнёра КНР.

²¹ Ryo N. U.S. and Philippines to share real-time military intel on China// Nikkei. May 3, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Defense/U.S.-and-Philippines-to-share-real-time-military-intel-on-China> (accessed 30.03.2023).

²² US Alliance Obligations in the Disputes in the East and South China Seas: Issues of Applicability and Interpretations. 01.01.2016. P. 15–23. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep14540.5?seq=1> (accessed: 04.02.2024).

Ответ на подобную стратегическую неопределённость отчасти виделся странами АСЕАН в усилении собственных институциональных возможностей. В 2012 г., выступая перед участниками «Диалога Шангри-Ла», тогдашний президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно (2004–2014) выразил уверенность, что малые и средние страны могут связать крупные державы устойчивой региональной архитектурой безопасности²³. Её центральным элементом для ЮВА в новом веке стала АСЕАН. Выдвижение на подобные позиции, согласно меткому выражению бывшего министра иностранных дел Индонезии Марти Наталегавы, долгое время работавшего с Сусило Бамбангом Юдойоно, означало, что «пешка холодной войны входит в новую роль» [Наталегава 2022: 107]. Успешность усилий интеграционного объединения по привлечению к работе региональных институтов всего спектра заинтересованных игроков рассматривалась США и их союзниками как гарантия, что АСЕАН сможет социализировать растущий Китай [Ва 2006].

После того как усилия Ассоциации на данном направлении не принесли ожидаемого результата, Вашингтон перешёл к формированию минилатеральных форматов типа *Quad* и *AUKUS*, создаваемых в обход интеграционного объединения и нацеленных на более эффективное противодействие политико-стратегической экспансии Пекина. Дискурсивным проявлением этого поворота стало принятие на вооружение Соединёнными Штатами термина «Индо-Тихоокеанский регион», позволявшего привлечь к подобным коа-

лициям такие страны, как Япония, Индия, Австралия и Новая Зеландия²⁴. При этом Россия (более активно)²⁵ и Китай (более осторожно) продолжали настаивать на использовании азиатско-тихоокеанской терминологии для обозначения географических рамок региональных процессов [Li, Tianjiao 2023].

На фоне этих действий АСЕАН пришлось маневрировать и формулировать собственную позицию по поводу конкурирующих региональных дискурсов. Её концентрированное выражение содержалось в документе под названием «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН»²⁶, который предлагал в первую очередь политико-экономическое, а не военно-стратегическое понимание нового макрорегиона. В духе нейтрализма и стремления не занимать чью-либо позицию было выдержано и опубликованное 26 февраля 2022 г. заявление министров иностранных дел Ассоциации по поводу ситуации на Украине. Оно состояло всего из двух пунктов, выражающих озабоченность эскалацией конфликта и призывавших к использованию дипломатических мер его урегулирования²⁷.

Страны АСЕАН, занимавшие в 2022 г. посты председателей самой Ассоциации (Камбоджа), АТЭС (Таиланд) и «группы двадцати» (Индонезия), не поддержали активно продвигаемую США, ЕС и Австралией идею ограничения участия России в мероприятиях этих форматов. Решение представителей ЮВА существенным образом контрастировало с линией на ограничение дипломатических возможностей России в европейских институтах. В мае 2022 г. три страны-председательницы

²³ Shangri-La Dialogue 2012 Keynote Address: President of Indonesia // The International Institute for Strategic Studies. June 1, 2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gj_D-XkzQRc (accessed: 30.03.2024).

²⁴ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 04.02.2024).

²⁵ Лавров: Концепция Индо-Тихоокеанского региона не предполагает открытости и равноправия // ТАСС. 01.04.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11050135> (дата обращения: 31.03.2024).

²⁶ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 08.12.2022).

²⁷ ASEAN Foreign Minister's Statement on the Situation in Ukraine // ASEAN. 26.02.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/ASEAN-FM-Statement-on-Ukraine-Crisis-26-Feb-Final.pdf> (accessed: 08.12.2022).

выпустили совместное заявление о недопустимости попыток превращения многосторонних институтов в площадку конфронтации и декларировали открытость для работы со всеми партнёрами²⁸.

Таким образом, сознательный отказ от исключения России из деятельности АСЕАН-центричных институтов, АТЭС и «группы двадцати» стал одним из элементов хеджирования Ассоциации. В то же время произошло повышение в ноябре 2022 г. статуса стратегического партнёрства Соединённых Штатов и Ассоциации до уровня всеобъемлющего и установление отношений секторального диалогового партнёрства с Украиной.

В год трёх председательств стран ЮВА символизм инклюзивности, диалога и учёта разных мнений оказался особенно значим в условиях, когда многосторонние институты не смогли обеспечить реального дипломатического прогресса в решении региональных и глобальных проблем. Накануне заседания «группы двадцати» президент Индонезии Джоко Видодо предпринял попытку челночной дипломатии, последовательно посетив 30 июня Москву и 1 июля 2022 г. Киев, где провёл встречи с президентами России и Украины соответственно. В рамках саммитов АСЕАН была организована встреча Дж. Байдена и Си Цзиньпина, а в итоговых документах АТЭС и «группы двадцати» практически дословно повторялась формулировка, делающая отсылку к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1 от 2 марта 2022 г., и констатировалось, что большинство участников указанных форматов осуждают действия России. Одновременно фиксиро-

вался факт расхождения мнений участников АТЭС и «двадцатки» по поводу оценок российских действий²⁹.

Влияние треугольника США–Китай–Россия на Ассоциацию на институциональном уровне можно проследить по нескольким направлениям. Первым является усложнение взаимодействия интеграционного объединения с тремя упомянутыми державами в рамках АСЕАН-центричных институтов. В условиях многомерной конфликтности Китая и Соединённых Штатов Ассоциация попыталась выступать площадкой для их контактов. В случае Москвы и Вашингтона эта организация фиксировала в своих документах расхождение в позициях, не доводя ситуацию до открытой конфронтации и сохраняя участие всех трёх стран в работе упомянутых институтов в максимально возможной степени. Официально заявляя о стремлении избежать конфликта, подобного тому, что разразился в Европе, ряд официальных лиц государств ЮВА призывали к укреплению таких региональных институтов, как Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнёрами (СМОА+), членами которого являются все три упомянутые страны³⁰.

Вторым направлением стала общерегиональная дискуссия о хеджировании финансовых рисков, проявившихся в результате введения западных санкций в отношении России. Эта дискуссия показала, что при высокой степени долларизации экономик региона большинство из них стремятся избежать зависимости и от юаня — пока что, пожалуй, единственной реальной альтернативы западным валютам. В результа-

²⁸ Joint Press Release of the Foreign Ministries of the Kingdom of Cambodia, the Republic of Indonesia and the Kingdom of Thailand. 04.05.2022. URL: <https://www.mfaic.gov.kh/posts/2022-05-04-Press-Release-Joint-Press-Release-of-the-Foreign-Ministries-of-the-Kingdom-of-Cambodia--the-Republic-of-Indonesia--10-00-20> (accessed: 08.12.2022).

²⁹ G20 Bali Leaders' Declaration. Bali, Indonesia. 15–16 November 2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/en/u82esHnvQFdH0jV25AJg73rnLGEe8cK6.pdf> (accessed: 08.12.2022); 2022 Leaders' Declaration. 19.11.2022. URL: <https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2022/2022-leaders-declaration> (accessed: 08.12.2022).

³⁰ Asia must learn right lessons from Ukraine at this dangerous point in history: Ng Eng Hen // The Straits Times. 12.06.2022. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/asia-must-learn-right-lessons-from-ukraine-at-this-dangerous-point-in-history-ng-eng-hen> (accessed: 04.02.2024).

те в ходе 42-го саммита АСЕАН, прошедшего 10–11 мая 2023 г. в г. Лабуан Баджо (Индонезия), страны Ассоциации приняли Декларацию о региональной взаимосвязанности в сфере финансовых расчётов и использовании в них национальных валют³¹.

Третьим направлением стало появление феномена «нового неприсоединения». Термин введён малайзийским исследователем Чан Чи Квиком³². Он сводился, с одной стороны, к неприятию радикализма западного подхода к украинскому кризису как проявления двойных стандартов по отношению к другим конфликтам. С другой стороны, в него также входило укрепление различного рода взаимосвязей в области политики, безопасности и экономики с более широким кругом внешних партнёров, в том числе с Россией и Китаем.

При общей нейтральности политического дискурса на уровне АСЕАН, отдельные страны Ассоциации по-своему оценивали изменение международной ситуации. Индонезия сохранила описание глобальной и региональной обстановки в терминах «динамического равновесия» и «внешнеполитического экуменизма», подразумевавших сознательное вовлечение в диалог разнообразного круга внешнеполитических контрагентов [Anwar 2013]. Эти идеи, проистекающие из внешней политики президента Абдурахмана Вахида (1999–2001), получили дальнейшее развитие во время правления упомянутого ранее Сусило Бамбанга Юдойоно и сохранили свою актуальность и для президента Джоко Видодо [Куклин 2023]. Внешнеполитическая фило-

софия Индонезии в концентрированном виде была также выражена в выступлении индонезийского министра обороны Прабово Субиянто в рамках «Диалога Шангри-Ла» в июле 2022 г. Он отметил, что неприсоединение к каким-либо военным блокам или альянсам является стратегическим выбором страны, при этом Джакарта стремится уважать интересы всех крупных держав в регионе³³.

Индонезия не поддержала введение санкций в отношении России, о чём неоднократно заявляли Джоко Видодо и другие официальные лица. В их выступлениях отмечалось, что санкции и введение пороговых цен на российскую нефть едва ли будут способствовать международной энергетической безопасности и стабильности³⁴. В равной степени осторожно подошли к вопросу санкций Таиланд, отметивший в 2022 г. 125-летие установления дипломатических отношений с Россией, и Камбоджа. В марте 2022 г. 25 послов европейских государств, США, Японии, Австралии и Канады попытались оказать давление на премьер-министра Таиланда Праюта Чан-очу, чтобы он выступил с осуждением российских действий на Украине. Глава правительства этой страны заявил, что Бангкок не может себе позволить собственных высказываний на эту тему, отличных от общей позиции АСЕАН³⁵. Между тем на Всемирном экономическом форуме в Давосе в мае 2022 г. премьер-министр Камбоджи Хун Сен призвал отказаться от всех санкций, введённых против Москвы. Свою позицию он объяснил эффектом рикошета: экономическая блокада России

³¹ ASEAN Leaders Declaration on Regional Payment Connectivity and LCT. 10.05.2023. URL: <https://asean2023.id/storage/news/ASEAN%20Leaders%20Declaration%20on%20Regional%20Payment%20Connectivity%20and%20LCT.pdf> (accessed: 04.02.2024).

³² Kuik C.-C. ASEAN and Ukraine: Non-Alignment via Multi-Alignment? // Taihe Institute. 03.07.2022. URL: <http://www.taiheglobal.org/Content/2022/07-03/1726334336.html> (accessed: 04.02.2024).

³³ Shangri La Dialogue 2022. URL: <https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2022> (accessed: 08.12.2022).

³⁴ Ng A. Putting a price cap on Russian oil won't solve energy supply issues, Indonesian minister says // CNBC. 15.07.2022. URL: <https://www.cnbc.com/2022/07/15/price-cap-on-russian-oil-wont-solve-energy-issues-indonesia-minister.html> (accessed: 28.11.2022).

³⁵ Yuda M. Prayuth shrugs off request from 25 ambassadors to condemn Russia // Nikkei. 02.03.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Ukraine-war/Prayuth-shrugs-off-request-from-25-ambassadors-to-condemn-Russia> (accessed: 28.11.2022).

ударила и по тем странам, которые её ввели, и по развивающимся государствам, не имеющим никакого отношения к конфликту и едва начавшим восстанавливаться после пандемии³⁶.

В целом позиция большинства стран АСЕАН и в политическом, и в экспертном дискурсе [Phubunlap Gunaseelan 2022] обосновывалась следующим образом. Однозначное осуждение России не соответствует их долгосрочным интересам и может затруднить обеспечение собственных национальных интересов, особенно в области продовольственной и энергетической безопасности³⁷. При этом никто из них не отказывался от демонстрации хороших отношений с США и Китаем.

Из всех стран АСЕАН наибольшее расхождение национальной позиции с общерегиональной продемонстрировали Сингапур, присоединившийся к антироссийским санкциям, и Мьянма, в условиях продолжающегося внутреннего конфликта и ограничения участия военного правительства этой страны в работе Ассоциации сделавшая выбор в пользу примыкания к Китаю и России³⁸. Нарастание взаимодействия с Москвой воспринималось ею в качестве противоядия Пекину в условиях резкого сокращения её внешнеполитических контактов не только с западными странами, но и с соседями по АСЕАН. Позицию же Сингапура можно было бы охарактеризовать как примыкание к Вашингтону, подразумевающее, помимо санкций, также полное принятие на официальном уровне дискурса о «порядке, основанном на правилах»³⁹.

Вместе с тем на экспертном уровне в Сингапуре текущий конфликт на Украине рассматривался через призму выбора внешнеполитической стратегии и оценивался по своим последствиям как подтолкнувший к однозначному примыканию к США в первую очередь Европу. Ветеран дипломатической службы Сингапура Чан Хенг Чи отмечала, что страны Юго-Восточной Азии не хотели бы следовать европейскому примеру. При всей комфортности ситуации, при которой Соединённые Штаты структурировали миропорядок с точки зрения безопасности, а Китай — в плане экономики, обострение конфликта на Украине актуализировало для стран региона необходимость поиска механизмов обеспечения «третьего» (альтернативного) пространства, не полностью подконтрольного этим двум державам⁴⁰. Изменения отношений в треугольнике под влиянием украинского вопроса, по мнению сингапурских исследователей, скорее осложняло положение Пекина из-за тесных отношений с Россией, а не затрагивало напрямую интересы стран Юго-Восточной Азии.

Иная ситуация сложилась с Вьетнамом, который из всех стран АСЕАН испытал на себе, пожалуй, непосредственное воздействие отношений трёх держав. Оно проявилось, в частности, в осторожном дистанцировании Вьетнама от России после февраля 2022 г. и попытках диверсифицировать своё политическое и военно-техническое сотрудничество, в том числе за счёт усиления связей с Соединёнными Штатами. В сентябре 2023 г. СРВ и США заяви-

³⁶ Chheng N. Hun Sen: Stop Russia Sanctions // The Phnom Penh Post. 24.05.2022. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national-politics/hun-sen-stop-russia-sanctions> (accessed: 28.11.2022).

³⁷ Philippines' Marcos Jr. open to buying Russian fuel, proposes new Myanmar approach // The Arab News. 05.10.2022. URL: <https://arab.news/9qs9b> (accessed: 28.11.2022).

³⁸ Встреча с председателем Государственного административного совета Мьянмы Мин Аун Хлайном // Восточный экономический форум. 07.09.2022. URL: <https://forumvostok.ru/news/meeting-with-chairman-of-the-state-administration-council-of-myanmar-min-aung-hlaing/> (дата обращения: 28.11.2022).

³⁹ Singapore wants to work with US to bolster rules-based order: DPM Lawrence Wong // The Straits Times. October 14, 2023. URL: <https://www.straitstimes.com/world/united-states/singapore-wants-to-work-with-the-us-to-bolster-rules-based-order-dpm-lawrence-wong> (accessed: 31.03.2024).

⁴⁰ Chee C.H. The new New World Order // The Straits Times. 08.03.2022. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/ukraine-crisis-the-new-new-world-order> (accessed: 28.11.2022).

ли, что их отношения достигли всеобъемлющего стратегического партнёрства⁴¹. Ранее подобный уровень поддерживался лишь в отношениях с Российской Федерацией, КНР и Индией. Вьетнам потребовалось предпринять оперативные внешнеполитические шаги, чтобы найти новый баланс и в отношениях с Китаем. В ходе визита Си Цзиньпина в Ханой в декабре 2023 г. две страны отметили обоюдное стремление к «Сообществу общего будущего», имеющему стратегическое значение для обоих партнёров⁴². Тем не менее во вьетнамских экспертных кругах фиксировалась многоаспектная заинтересованность в сохранении хороших отношений с Москвой и неполном примыкании к Пекину. Подобное развитие событий могло бы поставить Вьетнам в гораздо более сложное положение⁴³.

Представленный анализ позволяет выявить широкий спектр мнений, сформировавшихся на национальном уровне в Юго-Восточной Азии в качестве реакции на кризис европейской архитектуры безопасности и трансформацию отношений в треугольнике США—Китай—Россия. При сохранении дискурсивной приверженности стран региона на официальном уровне единой позиции, сформулированной в рамках АСЕАН, де-факто под влиянием роста глобальной и региональной турбулентности страны Ассоциации продемонстрировали разнонаправленные реакции и в отдельных случаях даже отклонение от курса на хеджирование внешнеполитических рисков.

* * *

Интенсификация международной напряжённости продемонстрировала, что соотношение сил в Юго-Восточной Азии даже по прошествии нескольких десятилетий после окончания «холодной войны» остаётся хрупким и неустойчивым. Вместе с тем регион продолжает существовать и развиваться, сохраняя при этом многие международно-политические болевые точки и разнообразие политического устройства. Страны ЮВА испытывают необходимость находить компромиссы между интересами различного рода игроков в условиях постоянно сохраняющейся асимметрии потенциалов в политике, экономике и сфере безопасности. Кризис европейской архитектуры региональной безопасности, несмотря на географическую отдалённость, подсветил эти особенности.

В регионе следует выделить как минимум два уровня реакции — региональный и национальный — на упомянутый кризис. На протяжении более чем двух десятилетий⁴⁴ региональный уровень позволял странам АСЕАН активно использовать институциональное балансирование и хеджирование в отношениях с крупными державами. В ситуации же наложения нескольких кризисных явлений⁴⁵ эти уровни продемонстрировали усиливающуюся разнонаправленную динамику.

На общерегиональном уровне страны Юго-Восточной Азии продолжали демонстрировать сочетание балансирования и хеджирования, что прослеживалось в опыте и итогах председательства Камбоджи

⁴¹ Joint Leaders' Statement: Elevating United States-Vietnam Relations to a Comprehensive Strategic Partnership // The White House. 11.09.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/11/joint-leaders-statement-elevating-united-states-vietnam-relations-to-a-comprehensive-strategic-partnership/> (accessed: 04.02.2024).

⁴² В данном случае имеет значение использование на вьетнамском языке термина «общего будущего», а не единой судьбы, предлагаемой в китайской трактовке. Подробнее см.: *Khang Vu*. Vietnam and China Announce Major Upgrade in Relations During Xi Visit // The Diplomat. 13.12.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/vietnam-and-china-announce-major-upgrade-in-relations-during-xi-visit/> (accessed: 04.02.2024).

⁴³ *Hunh Tam Sang*. The US-Russia-Vietnam Triangle: Decoding Hanoi's Strategic Balancing // The Diplomat. 01.06.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/06/the-us-russia-vietnam-triangle-decoding-hanois-strategic-balancing/> (accessed: 04.02.2024).

⁴⁴ До политического кризиса 2021 г. в Мьянме.

⁴⁵ Мьянма, последствия пандемии и украинский вопрос.

в АСЕАН, Индонезии — в «группе двадцати», Таиланда — в АТЭС. При этом на национальном уровне произошла дивергенция. Основная часть стран шла в русле общерегионального фарватера, а Сингапур и Мьянма от хеджирования в большей степени перешли к примыканию.

Рассматривая структурные международные факторы, обуславливающие эффективность стратегий, стоит отметить, что в ситуации региональной реакции на бинарную оппозицию Китай—США хеджирование всё ещё применялось. Тем не менее, когда в этой конструкции появилась Россия, реализовать эту стратегию в полной мере не всегда представлялось возможным из-за более жёсткой линии противостояния Москвы и Вашингтона. Вместе с тем политический и экспертный консенсус в странах Юго-Восточной Азии заключается в том, что хеджирование остаётся насущной необходимостью для региона.

Политика Соединённых Штатов по отношению к своим союзникам в ЮВА стано-

вится гораздо более избирательной и подвержена флуктуациям. Наблюдаются периоды более активного вовлечения и затем потери интереса к региону. При этом присутствие Китая в Юго-Восточной Азии наращивается последовательно, независимо от последствий пандемии. Кроме того, странами АСЕАН чётко осознаётся необходимость следовать собственным экономическим интересам, обеспечение которых невозможно только за счёт сотрудничества с США и требует поддержания рабочих отношений и с КНР, и с Российской Федерацией.

Опыт аккомодации, наработанный АСЕАН, вероятно, будет особенно востребован в новых международных реалиях в противовес ЕС, так и не сумевшего овладеть инструментами сосуществования с политическими и экономически инаковыми субъектами. Брюссель предложил крайне негибкий вариант подхода к таким странам. Тем не менее вопрос заключается в способности Ассоциации продолжить имплементировать этот опыт на практике.

Список литературы

- Афанасьева Е.Н. и др. Лаос: Справочник / Под ред. С.И. Иоанесяна. М.: Восточная литература, 1994. 277 с.
- Байков А.А. Парадигма асеаноцентричного построения отношений в Восточной Азии// АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы / Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. С. 32–60.
- Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: НОФМО, 1997. 353 с.
- Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. №2. С. 37–57. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57>
- Галенович Ю.М. Россия—Китай—Америка: от соперничества к гармонии национальных интересов? М.: Русская панорама, 2006. 575 с.
- Грэм Т. Китай—Россия—США: отношения и стратегические треугольники // Полис. Политические исследования. 2020. №6. С. 62–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>
- Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2018. 296 с.
- Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. 635 с.
- Королёв А.С. Стратегии средних стран в отношении великих держав: опыт Малайзии // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 1. С. 90–104. DOI 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
- Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. М.: Аспект Пресс, 2023. 152 с.
- Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.
- Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: ИКСА РАН, 2022. 544 с.
- Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. 743 с.

- Наталегавва М. На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри / Пер. Е.Л. Хватовой. М.: Аспект Пресс, 2022. 332 с.
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. М.: НП РСМД, 2023. 536 с.
- Фомичёва Е.А. Внешняя политика Таиланда. М.: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1991. 170 с.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2022. 448 с.
- Alves A.C.D. BRI and global development praxis: is a paradigm shift eminent? // Research Handbook on the Belt and Road Initiative / ed. by J. C. Liow, Hong Liu and Gong Xue. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 76–87.
- Anwar D.F. Reinvention in Indonesia's foreign policy strategy // East Asia Forum Quarterly. 2013. Vol. 45. No. 4. P. 10–11.
- Ba A. Who's socializing whom? Complex engagement in Sino-ASEAN relations// The Pacific Review. 2006. Vol. 19. Iss. 2. P. 157–179. doi.org/10.1080/09512740500473163
- Blank S., Lukin A., Rozman G. Uneasy Triangle: China, Russia, and the United States in the New Global Order. Washington, DC: Center on Global Interests, 2015. 44 p.
- Busbarat P. Thailand: A Security Outlook Clouded by Policy Dilemmas in the Changing Geopolitical Landscape // CSCAP Regional Security Outlook 2024 / ed. by R. Huysen. Canberra: Australian National University, 2023. P. 49–54.
- Ciorciari J., Haacke J. Hedging in International Relations: an Introduction// International Relations of the Asia-Pacific. 2019 (September). Vol.19. Iss. 3. P. 367–374. https://doi.org/10.1093/irap/lcz017
- Gerstl A. Hedging Strategies in Southeast Asia: ASEAN, Malaysia, the Philippines and Vietnam and their Relations with China. Abington: Routledge, 2022. 162 p.
- Goh E. Great Powers and hierarchical order in Southeast Asia: Analyzing regional security strategies // International Security. 2008. Vol. 32. No. 3. P. 113–157. https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113
- Goh E. Meeting the China Challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies. Washington: East-West Center Washington, 2005. 66 p.
- Hass R. Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence. New York: Yale University Press, 2021. 240 p.
- Hiebert M. Under Beijing Shadow: Southeast Asia's China Challenge. Lanham: Rowman&Littlefield, 2020. 608 p.
- Jackson V. Power, trust, and network complexity: three logics of hedging in Asian security // International Relations of the Asia-Pacific. 2013. Vol. 14. No. 3. P. 331–356. https://doi.org/10.1093/irap/lcu005
- Jones D.M., Jenne N. Hedging and Grand Strategy in Southeast Asian Foreign Policy // International Relations of the Asia Pacific. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 205–235. https://doi.org/10.1093/irap/lcab003
- Kausikan B. Dodging and Hedging in Southeast Asia // The American Interest. 16.01.2017. URL: https://www.the-american-interest.com/2017/01/12/dodging-and-hedging-in-southeast-asia/ (accessed: 28.11.2022).
- Kausikan B. Navigating the New Age of Great Power Competition // Foreign Affairs. 11.04.2023. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-great-power-competition-russia-guide?utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20240204 (accessed: 04.02.2024).
- Krauthammer C. The Unipolar Moment: America and the World 1990 // Foreign Affairs. January 1990. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment (accessed: 28.11.2022).
- Kuik C.-C., Rozman G. Light or Heavy Hedging. Positioning between China and the United States. Washington, DC: Korea Economic Institute of America, 2015. 10 p.
- Li L., Jiang T. From Conceptual Idea to Strategic Reality: 'Indo-Pacific Strategy' from the Perspective of Chinese Scholars// Asian Perspective. 2023. Vol. 47. No. 1. P. 101–119. doi.org/10.1353/apr.2023.0004
- Martin S.B. From Balance of Power to Balancing Behavior: The Long and Winding Road // Perspectives on Structural Realism / ed. by. A. K. Hanami. New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 61–82.
- Multiple Hegemonies. Twenty-First Century International Order between Hegemony and Post-Hegemony / ed. by Key-young Son. Seoul: Asiatic research Institute (ARI) Press Korea University, 2021. 310 p.
- Phubunlap Gunaseelan O. The Russia-Ukraine Conflict: Implications for Thailand and ASEAN // Points of View. 2022. No. 3. P. 1–5.
- Poonkham J. A Genealogy of Bamboo Diplomacy. The Politics of Thai Détente with Russia and China. Canberra: Australian National University (ANU) Press, 2022. 326 p. http://doi.org/10.22459/GBD.2022
- Rangsimaporn P. Central Asia and Southeast Asia. Exploring the Dynamics of Greater Engagement. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 169 p.

- Russia-China-USA: Redefining the Triangle / ed. by A. D. Voskressenski. New York: Nova Science Publishers, 1996. 240 p.
- Shevtsova L. *Lonely Power: Why Russia Has Failed to Become the West and the West is Weary of Russia*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. 394 p.
- Strangio S. *In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century*. New Haven: Yale University Press, 2020. 360 p.
- The Balance of Power in World History / ed. by S. J. Kaufman, R. Little, W. Wohlforth. Basingstoke: Palgrave, 2007. 289 p.
- Walt S. Alliance formation and the balance of world power// *International Security*. 1985 (Spring). Vol. 9, No. 4. P. 3–43.
- Urry J. The Complexities of the Global // *Theory, Culture and Society*. 2005. Vol. 22. No. 5. P. 235–254. <https://doi.org/10.1177/0263276405057201>

SOUTHEAST ASIA BETWEEN THE US, CHINA, AND RUSSIA IN SEARCH FOR AN ELUDING BALANCE

EKATERINA KOLDUNOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

Southeast Asia has a unique history of interaction with great powers. As a result, the countries of the region have developed a wide range of foreign policy instruments and generated different types of foreign policy behavior, including balancing and bandwagoning. All the while, the rising complexity of global and regional processes, multifaceted confrontation between the USA, Europe and Russia, as well as between the USA and China and the regional projections thereof demand a revision of balancing, inherent in ASEAN and its member states' policies. This new international situation raises questions about new types of foreign policy strategy of small and middle range countries. The existing research defines them as hedging, which implies various policy actions undertaken to avoid or limit the risk of negative scenarios. Southeast Asian states started to develop their hedging strategies in response to the strategic uncertainty caused by China's rapid rise. Hence, the focus was primarily on avoiding collateral damage emanating from US-China relations. Yet the meltdown of the European security architecture has redefined the US-China-Russia triangle and its influence on Southeast Asia. A newer version of this triangle differs from its Cold war predecessor and complicates hedging implementation as it provokes a greater divergence of regional and national reactions to the ongoing crisis. Methodologically, the article proves it by analyzing the phenomenon of hedging in the Southeast Asian context, by looking at the European security architecture crisis' implications for the region and by comparing regional and national reactions to the rising confrontation in the USA-China-Russia triangle.

Keywords:

Southeast Asia; ASEAN; USA; China; Russia; hedging; balancing; bandwagoning

References

- Afanas'eva E.N. et al. (1994). *Laos. Spravochnik* [Laos. Handbook]. Moscow: Nauka. 277 p.
- Alves A.C.D. (2021). BRI and global development praxis: is a paradigm shift eminent? In: J. C. Liow, Hong Liu, Gong Xue (eds). *Research Handbook on the Belt and Road Initiative*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 76–87.
- Anwar D.F. (2013). Reinvention in Indonesia's foreign policy strategy. *East Asia Forum Quarterly*. Vol. 45. No. 4. P. 10–11.

- Ba A. (2006) Who's socializing whom? Complex engagement in Sino-ASEAN relations. *The Pacific Review*. Vol. 19, Iss. 2. P. 157–179. doi.org/10.1080/09512740500473163
- Baykov A.A. (2012). Sravnitel'naja integraciya. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Tihookeanskoj Azii [Comparative Integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. Ed. by Alexei Bogaturov. Moscow: Aspekt Press. 256 p.
- Baykov A.A. (2023). Paradigma aseanocentrichnogo postroeniya otnoshenij v Vostochnoj Azii [The ASEAN-centric Paradigm of International Relations in East Asia]. In: V. Mazyrin, E. Koldunova (eds.). *ASEAN Way of Integration: Achievements, Challenges, Dilemmas*. Moscow: Aspect Press. P. 32–60.
- Blank S., Lukin A., Rozman G. (2015). *Uneasy Triangle: China, Russia, and the United States in the New Global Order*. Washington, DC: Center on Global Interests. 44 p.
- Bogaturov A.D. (1997). *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle Vtoroy mirovoy vojny (1945–1995)* [Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after the World War II (1945–1995)]. Moscow: NOFMO. 353 p.
- Busbarat P. (2023). Thailand: A Security Outlook Clouded by Policy Dilemmas in the Changing Geopolitical Landscape. In: R. Huysen (ed.). *CSCAP Regional Security Outlook 2024*. Canberra: Australian National University. P. 49–54.
- Fomicheva E.A. (1991). *Vneshnyaya politika Tailanda* [Foreign Policy of Thailand]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 170 p.
- Galenovich Yu.M. (2006). *Rossiya-Kitay-Amerika: ot sopernichestva v garmonii natsional'nykh interesov?* [Russia-China-USA: From Competition to the Harmony of National Interests?]. Moscow: Russkaya panorama. 575 p.
- Gerstl A. (2022). *Hedging Strategies in Southeast Asia: ASEAN, Malaysia, the Philippines and Vietnam and their Relations with China*. Abington: Routledge. 162 p.
- Ciorciari J., Haacke J. (2019). Hedging in International Relations: an Introduction. *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 19, Iss. 3. P. 367–374. https://doi.org/10.1093/irap/lcz017
- Goh E. (2008). Great Powers and hierarchical order in Southeast Asia: Analyzing regional security strategies. *International Security*. Vol. 32, No. 3. P. 113–157. https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113
- Goh E. (2005). *Meeting the China Challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies*. Washington: East-West Center Washington. 66 p.
- Graham T. (2020) Kitai – Rossiia – SShA: otnosheniia i strategicheskie treugol'niki [China-Russia-US Relations and Strategic Triangles]. *Polis. Political Studies*. 2020. No. 6. P. 62–72. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05
- Hass R. (2021). *Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence*. New York: Yale University Press. 240 p.
- Hiebert M. (2020). *Under Beijing Shadow: Southeast Asia's China Challenge*. Lanham: Rowman&Littlefield. 608 p.
- Istomin I.A. (2018). *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoy politike* [The Logic of States' Behavior in the International Politics]. Moscow: Aspekt Press. 296 p.
- Jackson V. (2013). Power, trust, and network complexity: three logics of hedging in Asian security. *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 14, No. 3. P. 331–356. https://doi.org/10.1093/irap/lcu005
- Jones D.M., Jenne N. (2022). Hedging and Grand Strategy in Southeast Asian Foreign Policy. *International Relations of the Asia Pacific*. Vol. 22, No. 1. P. 205–235. https://doi.org/10.1093/irap/lcab003
- Kaufman S.J., Little R., Wohlforth W. (eds). (2007). *The Balance of Power in World History*. Basingstoke: Palgrave. 289 p.
- Kausikan B. (2017). Dodging and Hedging in Southeast Asia. *The American Interest*. URL: https://www.the-american-interest.com/2017/01/12/dodging-and-hedging-in-southeast-asia/ (accessed: 28.11.2022).
- Kausikan B. (2023). Navigating the New Age of Great Power Competition. *Foreign Affairs*. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-great-power-competition-russia-guide?utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20240204 (accessed: 04.02.2024).
- Kissinger H. (2014). O Kitae [On China]. Moscow: AST. 635 p.
- Korolev A.S. (2018). Strategii srednikh stran v otnoshenii velikikh derzhav: opyt Malayzii [The Strategies of Middle Powers in Relations with the Great Powers: the Experience of Malaysia]. *Mezhdunarodnyye Processy*. Vol. 16, No. 1. P. 90–104. DOI 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
- Krauthammer C. (1990). The Unipolar Moment: America and the World 1990. *Foreign Affairs*. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment (accessed: 28.11.2022).

- Kuik C.-C., Rozman G. (2015). *Light or Heavy Hedging. Positioning between China and the United States*. Washington, DC: Korea Economic Institute of America. 10 p.
- Kuklin N.S. (2023). *Kontseptualnye osnovy vneshnei politiki Indonezii* [Conceptual foundations of Indonesia's foreign policy]. Moscow: Aspekt Press. 152 p.
- Li L., Jiang T. (2023) From Conceptual Idea to Strategic Reality: 'Indo-Pacific Strategy' from the Perspective of Chinese Scholars. *Asian Perspective*. Vol. 47. No. 1. P. 101–119. doi.org/10.1353/apr.2023.0004
- Martin S.B. (2003). From Balance of Power to Balancing Behavior: The Long and Winding Road. In: A.K. Hanami (ed.). *Perspectives on Structural Realism*. New York: Palgrave Macmillan. P. 61–82.
- Morozov Yu.V., Batyuk V.I. (2022). *Strategicheskii treugol'nik SShA-KNR-RF: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii* [Strategic triangle USA-PRC-Russia: Challenges and Prospects on Russia's Security]. Moscow: IKSA RAN. 544 p.
- Mosyakov D.V. (2010). *Istoriya Kambodzhi. XX vek* [History of Cambodia. The 20th century]. Moscow: IV RAN. 743 p.
- Natalegava M. (2022). *Na shto sposobna ASEAN? Vzgl'yad iznutri* [Does ASEAN Matter? A View from Within]. Translated by E. L. Khvatova. Moscow: Aspekt Press. 332 p.
- Phubunlap Gunaseelan O. (2022). The Russia-Ukraine Conflict: Implications for Thailand and ASEAN. *Points of View*. No. 3. P. 1–5.
- Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty [Politics of sanctions: aims, strategies, instruments]. Moscow: NP RSMD. 536 p.
- Poonkham J. (2022). *A Genealogy of Bamboo Diplomacy. The Politics of Thai Détente with Russia and China*. Canberra: Australian National University (ANU) Press. 326 p. <http://doi.org/10.22459/GBD.2022>
- Rangsimaporn P. (2022). *Central Asia and Southeast Asia. Exploring the Dynamics of Greater Engagement*. Cham: Palgrave Macmillan. 169 p.
- Shakleina T.A. (2022). *Rossiya i SShA v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Russia and the USA in the Modern International Relations]. Moscow: Aspekt Press. 448 p.
- Shevtsova L. (2010). *Lonely Power: Why Russia Has Failed to Become the West and the West is Weary of Russia*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 210 p.
- Son Key-young. (ed.). (2021). *Multiple Hegemonies. Twenty-First Century International Order between Hegemony and Post-Hegemony*. Seoul: Asiatic research Institute (ARI) Press Korea University. 310 p.
- Strangio S. (2020). *In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century*. New Haven: Yale University Press. 360 p.
- Urry J. (2005). The Complexities of the Global. *Theory, Culture and Society*. Vol. 22. No. 5. P. 235–254. <https://doi.org/10.1177/0263276405057201>
- Voskressenski A.D. (ed.). (1996). *Russia-China-USA: Redefining the Triangle*. New York: Nova Science Publishers. 246 p.
- Voskressenski A.D., Koldunova E.V., Kireeva A.A. (2017). Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviyakh «postzapadnoy» mezhdunarodnoy real'nosti [Transregional and Regional Projects in the Post-Western International Realities]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 8. No. 2. P. 37–57. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57>
- Voskressenski A.D. (ed.). (2021). *Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav* [The logic of new world architectonics and the strategies of powers]. Moscow: Strategicheskie izyskaniya. 576 p.
- Walt S. Alliance formation and the balance of world power. *International Security*. 1985 (Spring). Vol. 9, No. 4. P. 3–43.